

Инь Юй покосился на неё и с раздражением бросил:

— Она совсем не та, о ком ты думаешь.

Ха, этот мальчишка и правда не умеет подбирать слова, чтобы не ранить.

Юй Тун побледнела, но не нашлась что ответить. Ей оставалось лишь стиснуть зубы и проглотить это унижение.

Войдя в дом вместе с парнем, Инь Шицзянь скосил глаза и, заметив на лице сына выражение крайней скованности, невольно усмехнулся.

Когда они вошли в гостиную, Инь Шицзянь, изначально намеревавшийся устроить сыну разнос, едва сел, как от него повеяло холодом. Мощная аура мужчины заставила Инь Юя и Юй Тун нервно переглянуться.

— Знаешь, почему я вызвал тебя домой? — в глазах Инь Шицзяня не было ни тени эмоций.

Атмосфера в комнате становилась всё тяжелее. Юй Тун осторожно бросила взгляд на лицо Инь Юя. Тот старался держать невозмутимый вид, хотя внутри у него всё перевернулось от тревоги.

Температура в гостиной упала ещё на несколько градусов.

Инь Шицзянь прищурился, глядя на обоих:

— Рассказывайте. С кем подрались сегодня днём и из-за чего?

Инь Юй и Юй Тун молчали, стоя перед ним и не зная, куда деть глаза.

— Помнишь, что я говорил? — Инь Шицзянь вытряхнул из пачки сигарету. — Ещё раз возьмёшься за старое — применю семейные методы воспитания.

Инь Юй отвернулся к окну, плотно сжав губы.

Прекрасно. Значит, не раскаивается.

Инь Шицзянь подал знак дворецкому. Тот, хоть и выглядел обеспокоенным, всё же принёс линейку для наказаний.

Увидев, как отец берёт в руки орудие наказания, Инь Юй почувствовал, как по виску скатилась капля холодного пота. Он знал: отец всегда держит слово.

Стоявшая рядом Юй Тун на мгновение вздрогнула от испуга, но быстро взяла себя в руки.

Однако она была всего лишь девчонкой-подростком, а Инь Шицзянь был старше её больше чем на поколение. Как бы она ни старалась скрыть эмоции, от него это не укрылось.

— Инь Юй, подумай хорошенько, сколько глупостей ты совершил с самого детства. Хоть раз я

тебя тронул? — голос Инь Шицзяня звучал холодно и властно. — Думаешь, если бы не фамилия Инь, ты мог бы сейчас стоять передо мной целым и невредимым после всего, что натворил за эти годы?

Инь Юй опустил голову, но продолжал упрямо смотреть в сторону.

По телефону он мог дерзить отцу, но стоило им оказаться лицом к лицу, как у него не хватало духу даже пикнуть.

Юй Тун нервно теребила край своей одежды. Согласно тому, что она читала в прессе, Инь Шицзянь был человеком мягким и учтивым. Но теперь, увидев его вживую, она почувствовала, как его негромкий, ровный голос давит на неё, вызывая инстинктивный страх.

— Отвечай, — голос Инь Шицзяня был тихим, но оба стоящих перед ним человека вздрогнули.

Мощное давление мужчины заставило ноги Юй Туна подкоситься. Она опустила голову, заставляя себя сохранять спокойствие.

Она понимала: то, что он сейчас отчитывает сына при ней, — это демонстрация силы. Он хочет показать ей, что семья Инь — это недосыгаемая вершина, а не место для таких девиц, как она.

Поразмыслив над этим, Юй Тун пришла к другой мысли: а не является ли поведение Инь Шицзяня косвенным признанием её статуса?

Если бы Инь Шицзянь узнал, о чём она думает, он бы немедленно отправил её в психиатрическую больницу на проверку, нет ли у неё мании величия.

Но он не знал. Он смотрел на Инь Юя, полностью игнорируя Юй Туна, словно её здесь не было.

Под его взглядом Инь Юй почувствовал себя неуверенно и наконец решился встретиться с отцом глазами.

Их взгляды столкнулись и тут же разошлись.

— Папа... — Инь Юй опустил голову. — Прости.

Он не был дураком. Если сейчас не уступить, то следующей в ход пойдёт линейка.

Инь Шицзянь вскочил из-за стола и в ярости крикнул:

— Кому ты говоришь прости?!

Инь Юй вздрогнул от испуга, а Юй Тун чуть не упала.

— Если бы извинения всё решали, зачем нужна была бы полиция?! — он решил сегодня выбить из Инь Юя всю спесь.

Инь Юй и без того был на взводе, а стоять здесь и выслушивать нотации было для него невыносимо. Поняв, что порки ему всё равно не избежать, он решил пойти напролом:

— А чего ты ещё от меня хочешь?! Ударь меня, давай!

— Сделал гадость, а ещё и права качаешь? — в глазах Инь Шицзяня застыл лёд, но голос оставался пугающе спокойным.

— Так ты бы хоть раз в жизни занялся моим воспитанием! — взревел Инь Юй с покрасневшими глазами.

Инь Шицзянь замер, рука, сжимавшая линейку, слегка дрогнула.

Инь Юй словно нашёл выход для своего гнева:

— В твоей жизни есть только работа! Ты хоть раз обо мне беспокоился?! У других есть отец и мать, а у меня — только отец! Но разве я похож на человека, у которого он есть?!

Негодник!

Инь Шицзянь в порыве ярости замахнулся.

Звонкая пощёчина эхом разнеслась по гостиной.

Инь Юя от удара отбросило в сторону, он прижал ладонь к пылающей щеке, глаза его наполнились слезами.

Инь Шицзянь с почерневшим лицом указал на него пальцем:

— Если бы не семья Инь, ты бы давно сдох где-нибудь на улице!

Дворецкий при этих словах изменился в лице и тихо позвал:

— Господин Инь... — он пытался намекнуть, что тот перегибает палку.

Инь Юй с силой оттолкнул его руку:

— Тогда я убираюсь из этого дома! Сдохну на улице, но тебе не придётся обо мне беспокоиться!

Лицо Инь Шицзяня стало чёрным как туча. Он заломил сыну руки за спину и скомандовал дворецкому:

— Открывай подвал.

Инь Юй начал отчаянно вырываться:

— Отпусти! Ты не имеешь права запереть меня!

— Сегодня я проучу тебя так, что ты вспомнишь, как тебя зовут, — мрачно отрезал Инь Шицзянь.

Стоявшая в стороне Юй Тун потеряла всякий цвет лица, её била крупная дрожь. Увидев, как отца и сына уводят в сторону подвала, и услышав крики Инь Юя, она обессиленно опустилась на пол.

Она наконец поняла, почему Инь Юй называл отца страшным человеком.

Этот мужчина был настоящим дьяволом, он не испытывал ни капли жалости к собственному сыну.

Дворецкий покосился на неё и вежливо произнёс:

— Мисс Юй, прошу прощения за этот спектакль. Господин просил вас подождать здесь.

Юй Тун не посмела послушаться. Дворецкий помог ей подняться, но она не решилась сесть на диван, а так и осталась стоять в стороне, вцепившись в край платья и пытаясь сохранить подобие самообладания.

Убравшаяся неподалёку горничная насмешливо фыркнула про себя: «Дворняжка остаётся дворняжкой. Как ни наряжайся, всё равно видно, что грош цена таким манерам, раз при первых же трудностях теряешь лицо».

Инь Шицзянь запер сына в подвале, но бить или кричать не стал. Те крики, что слышала девушка, были лишь следствием того, что Инь Юй сам вывихнул себе руку, пытаясь вырваться.

— Позовите врача, пусть посмотрит на него, — он не был монстром и понимал, что насилие — не лучший метод воспитания. Но с таким сыном, как Инь Юй, иногда приходилось прибегать к крайним мерам.

— Мне не нужна твоя фальшивая забота! — Инь Юй с ненавистью смотрел на него, и слёзы упрямо катились по его щекам.

Инь Шицзянь, не меняясь в лице, привязал его руку к стулу:

— Знаешь, почему я запер тебя здесь?

Инь Юй скрипел зубами, сопротивляясь его прикосновениям.

— То, что я сказал лишнего, было моей ошибкой, — мягко вздохнул Инь Шицзянь. Он взглянул на сына, чья грудь тяжело вздымалась от ярости, и внезапно спросил: — Сколько лет прошло с тех пор, как бабушка и дедушка скончались?

Инь Юй замер, и слёзы полились из его глаз.

Инь Шицзянь усмехнулся:

— Мужчины не плачут.

Сказав это, он большим пальцем стёр слёзы сына и тяжело вздохнул:

— Прошло столько лет, не пора ли тебе уже отпустить прошлое?

Инь Юй молчал, нахмурившись и пытаясь сдержать рыдания.

Инь Шицзянь продолжил:

— Я не ограничивал тебя, потому что знал: тебе нужно было выплеснуть боль. Я знал, что в душе ты неплохой, и позволял тебе многое, лишь бы это не переходило границ...

Он замолчал, а Инь Юй подавил всхлип.

— Но ты заставил меня разочароваться в тебе, — он снова и снова ввязывался в неприятности.

Инь Юй, всхлипывая, обиженно прошептал:

— Папа...

Инь Шицзянь обнял его:

— Я тебя ещё не простил. Я запер тебя здесь за дерзость, а за драку мы ещё поговорим. Ты хоть знаешь, кто такой Ци Лэ?

Инь Юй покачал головой.

Он даже не знал, с кем связался, и посмел играть с этим человеком. Инь Шицзянь проклинал себя за то, что плохо воспитал сына.

— Ты посмел играть с внебрачным сыном семьи Ци? Не боишься, что они тебе отомстят? — Инь Шицзянь совершенно забыл, что сам только недавно переспал с этим «игрушечным» парнем.

Инь Юй всхлипнул, его лицо стало бледнее мела.

Он знал семью Ци. Старинный аристократический род, чьё влияние было даже выше, чем у семьи Инь. В деловых кругах они были главными конкурентами.

Неудивительно, что у Ци Лэ были такие высокие расходы на жизнь. Он всегда думал, что у парня нет родителей и он живёт на деньги от сдачи квартиры.

Инь Юй запаниковал. Он вёл себя так нагло, потому что обычные люди не могли тягаться с семьёй Инь. Но семья Ци — другое дело: у них были связи везде — в бизнесе, индустрии развлечений и политике.

Увидев реакцию сына, Инь Шицзянь понял, что тот осознал серьёзность ситуации.

— Ничего, — утешил он его. — Я рядом.

«К тому же, это я тот, кто съел и не подавился их драгоценным сокровищем», — добавил про себя Инь Шицзянь.

А «драгоценное сокровище» семьи Ци в это время чихнуло, стоя в ванной с озадаченным видом.

Врач сказал, что его руку нельзя мочить.

Когда действие анестезии прошло, Ци Лэ почувствовал, что рука болит не так сильно, как он боялся, но всё равно это было неприятно.

В конце концов, он был невероятно избалованным.

Вспоминая, как днём Инь Юй толкнул его на землю, он злился и нервничал. Всё тело болело, ни сесть, ни встать.

А вчерашний старик был таким жестоким, что сегодня у него болело всё — и поясница, и спина. Никакого покоя!

— Ну до чего же я несчастный...

Ци Лэ придерживал поясницу правой рукой, чувствуя, что день выдался невероятно насыщенным и неудачным.

Насыщенным — потому что за двадцать лет жизни его «невинность» наконец была утрачена. А неудачным — потому что он оказался слеп, связался с подонком, а тот ещё и привёл свою любовницу, чтобы избить его.

Дождавшись, пока ванна наполнится, Ци Лэ шагнул внутрь. Вода хлынула через край, и одежда, лежавшая на полке, соскользнула вниз.

Всё намокло.

Ци Лэ тяжело вздохнул: когда человеку не везёт, он даже водой может захлебнуться.

Внезапно зазвонил телефон. Звонили из дома.

— Лэ-лэ, когда домой собираешься? Денег на жизнь хватает? Может, прислать ещё?

— Старший брат... — услышав заботу брата, Ци Лэ снова почувствовал, как к горлу подкатил ком.

Он ведь тоже был любимым ребёнком, тоже был младшим господином семьи Ци, почему он должен терпеть столько унижений?

Ци Лэ шмыгнул носом:

— Брат, я приеду на выходных.

— Хорошо, предупреди заранее, чтобы невестка тебя встретила.

Ци Лэ послушно ответил, и брат, занятый делами, положил трубку.

Он потрогал свою травмированную руку. Успеют ли снять швы до выходных? Он не хотел, чтобы семья узнала.

Если семья Ци узнает, что их младшего сына обидел какой-то подонок, что его переспал Инь Шицзянь, а потом ещё и притащил свою любовницу, чтобы устроить драку — это вызовет грандиозный скандал.

Он должен решить всё сам.

Ци Лэ пролистал контакты и внезапно наткнулся на визитку того самого старика.

Он уставился на подпись: «Хм, старик...» — он сделал паузу, слова Инь Юя эхом отозвались в голове.

А ведь старик-то был неплох, верно?

Молодость — это действительно молодость, а красота — это красота. И он отец Инь Юя.

Ци Лэ почувствовал, что начинает смотреть на вещи под всё более извращённым углом.

Но он продолжил размышлять.

Инь Юй обвинил его в том, что он соблазняет Инь Шицзяня? Что ж, тогда он сделает это по-настоящему.

К тому же, его использовали, как игрушку, и избили. Он должен отыграться!

Главное, что старик действительно был хорош.

Ци Лэ внезапно прозрел.

К чёрту всю эту любовь, любовь — это нечто эфемерное.

Если он не заставит этого подонка называть его «папочкой», он не успокоится!

Прозрев, Ци Лэ снова погрузился в раздумья.

Легко сказать, но как подобраться к старику?

Левое предплечье ныло. Ци Лэ долго смотрел на свою травмированную руку и вдруг его осенило.

Он чуть не забыл, что его лекарства остались у старика.

Вспомнив об этом, Ци Лэ немедленно набрал номер Инь Шицзяня.

В подвале дома Инь Шицзянь и его сын сверлили друг друга взглядами.

Хотя он и утешил сына, это не значило, что он простил его за драку. Наказание должно быть наказанием.

— Ты должен извиниться перед Ци Лэ, — Инь Шицзянь помрачнел, вспомнив руку парня.

Инь Юй хотел было огрызнуться, но, увидев тяжёлый взгляд отца, лишь тихо пробормотал:

— Он тоже меня ударил.

Инь Шицзянь поднял бровь:

— Ты нанёс человеку рану, потребовавшую четырёх швов. Думаешь, кровопийцы из семьи Ци оставят это просто так?

Инь Юй замолчал. Отец был прав: люди из семьи Ци не оставляли костей. Но после того, как он вёл себя перед Ци Лэ, у него не хватало духу извиниться.

Он не склонял голову, и Инь Шицзянь не давил. У Инь Юя было слишком много гордости, он должен был дойти до этого сам.

Сейчас были дела поважнее, например, Юй Тун.

Инь Шицзянь навёл справки: девчонке едва исполнилось восемнадцать, а она уже из кожи вон лезла ради статуса и денег.

Вспомнив, как она вела себя с Ци Лэ по телефону, он усмехнулся.

— Что ты думаешь о Юй Тун? — он не верил, что Инь Юй настолько глуп, чтобы не понимать истинных целей этой девицы.

Инь Юй напрягся и тихо сказал:

— Я знаю, что делаю.

— Знаешь? — хмыкнул Инь Шицзянь. — Если бы знал, довел бы дело до больницы и четырёх швов?

Инь Юй понял, что виноват, и не смел даже пикнуть.

Инь Шицзянь хотел было продолжить насмешки, но тут дворецкий с телефоном в руках подошёл к двери:

— Господин, вам звонят.

Десять вечера. Кто бы это мог быть?

С сомнением он подошёл к дворецкому и, увидев, кто звонит, замер.

Затем он взял телефон и провёл пальцем по экрану.

— Ци Лэ.

Ци Лэ, лёжа в ванне, услышал голос старика и издал невнятный звук.

Как и ожидалось, Инь Шицзянь тут же обеспокоенно спросил:

— Рука всё ещё болит?

— После наркоза немного ноет... — в трубке слышался такой жалкий и обиженный голос, что сердце Инь Шицзяня сжалось.

Вспомнив о лекарствах, оставленных в машине, он сказал:

— Я сейчас привезу их тебе.

Ци Лэ смущённо ответил:

— Так поздно... не стоит беспокоить вас.

— Это моя вина, что я плохо воспитал сына, из-за чего ты пострадал.

Положив трубку, Инь Шицзянь посмотрел на сына.

Вспомнив, что именно он покалечил Ци Лэ, он приказал дворецкому:

— Пусть сидит дальше. Выпустишь, когда станет сговорчивее.

Инь Юй взревел:

— Ты не держишь слова!

Инь Шицзянь хитро улыбнулся:

— Я и не обещал выпустить тебя сейчас. Посиди, подумай о своём поведении.

Он развернулся и закрыл дверь, улыбка мгновенно исчезла с его лица.

Юй Тун всё ещё ждала в гостиной. Она попыталась заговорить, но её прервали.

— Мисс Юй, прошу прощения за этот спектакль, — Инь Шицзянь вежливо улыбнулся, хотя в душе усмехался.

Всего лишь девчонка-пустышка. Она не стоила его усилий, но она посмела зариться на то, что ей не принадлежало, и крутить его сыном.

А главное: Юй Тун ударила Ци Лэ по лицу.

Юй Тун смущённо опустила голову, не зная, что сказать.

Инь Шицзянь подал знак дворецкому, и тот удалился.

В гостиной остались они вдвоём.

— Мисс Юй, ещё раз приношу извинения, — Инь Шицзянь сохранял светские манеры, ничем не напоминая того гневного отца, что был минуту назад.

Юй Тун сжала край юбки. Мужчина продолжал:

— Инь Юй сегодня не сможет проводить вас в университет. Я распорядился, чтобы вас отвезли.

Юй Тун улыбнулась:

— Спасибо, господин Инь.

Пока он не видел, её глаза забегали. В голове крутились слова Инь Юя.

Инь Шицзянь был влиятельной фигурой в городе: статус, деньги, власть — у этого мужчины было всё.

Когда она охмуряла Инь Юя, она действительно рассчитывала на его семейное положение. Если бы...

В душе Юй Тун внезапно созрел другой план. Если это поможет ей взлететь на вершину, все средства хороши.

Тем более, Инь Шицзянь выглядел молодым, был в самом расцвете сил — куда лучше, чем тот мальчишка Инь Юй, который только и умел, что пользоваться защитой семьи и не проявлял к ней ни капли уважения.

Стоит ей прибрать к рукам этого мужчину, и она станет хозяйкой дома Инь.

Дворецкий вызвал водителя, и Инь Шицзянь лично проводил её до выхода.

Переступая порог, Юй Тун намеренно споткнулась и полетела прямо на мужчину.

Инь Шицзянь, если бы не его твёрдая стойка, наверняка бы пошатнулся.

Он с невозмутимым видом помог ей встать:

— Мисс Юй, будьте осторожнее.

Юй Тун изобразила смущение:

— Простите...

— Ничего, — «Как быстро она начала плести свои интриги», — усмехнулся про себя Инь Шицзянь.

Проводив взглядом машину, дворецкий нахмурился:

— Господин, эта девушка нечиста на руку.

Инь Шицзянь отмахнулся:

— Инь Юй уже взрослый, пора ему научиться самому расхлёбывать свои проблемы.

Он не мог тронуть Юй Тун сейчас, но мог сделать это руками сына.

Дворецкий кивнул. Увидев ключи в его руках, он спросил:

— Господин вернётся сегодня вечером?

— Вернусь... — Инь Шицзянь задумался и добавил: — Нет, сегодня не вернусь.

У него была квартира в центре города, он не часто ночевал в этом доме.

Подъехав к жилому комплексу Ци Лэ, Инь Шицзянь не знал, на каком этаже живёт парень, и позвонил ему.

В это время Ци Лэ, только что принявший душ, боролся с одеждой — из-за травмированной руки надеть пижаму было непросто. Увидев звонок Инь Шицзяня, он поспешил ответить.

— Я приехал. На каком ты этаже?

— Восьмой, 801.

Положив трубку, Ци Лэ бросил борьбу с одеждой и накинул банный халат.

Встав перед зеркалом, он принял несколько соблазнительных поз, размышляя: «Вчера старик был такой яростный, интересно, сколько дней будут проходить эти следы?»

«Если я буду достаточно соблазнительным, не поверю, что не смогу тебя охмурить!» — он выгнулся, демонстрируя идеальные линии своего тела.

Ци Лэ остался доволен собой. В этот момент раздался звонок в дверь.

Он побежал открывать, по пути намеренно распахнув ворот халата, чтобы обнажить грудь, покрасневшую от горячей воды.

Инь Шицзянь стоял за дверью, гадая, спала ли у Ци Лэ температура.

Дверь открылась, и его взору предстали две длинные белые ноги.

Он замер, а взгляд пополз вверх, к розовой груди парня. На открытых участках кожи виднелись едва заметные следы — его вчерашняя работа.

У Инь Шицзяня в голове словно взорвалась бомба. Всё загудело, и он даже почувствовал лёгкое смущение!

— Господин Инь, спасибо, что пришли, — Ци Лэ прислонился к дверному косяку, стараясь максимально выгодно показать то, что он отрепетировал перед зеркалом.

Он стоял прямо перед ним, соблазнительный и манящий. А под халатом... следы его вчерашней страсти проступали сквозь тонкую ткань.